

УДК 930.1(571.15)

ББК 63.1(2Рос-4Алт)

Е.М. Гостюшева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**КРЕСТЬЯНЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ:
НАРОДНИКИ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ
В АЛТАЙСКИЙ ГОРНЫЙ ОКРУГ**

Рассматривается народническая историография крестьянских переселений на территорию Алтайского округа. Исследователями-народниками изучался четко обозначенный круг вопросов: уровень благосостояния переселенцев, правительственная помощь переселенцам, значение переселений для развития региона и др. Отмечая большое экономическое и культурное значение переселений для региона, ссыльные народники предлагали конкретные мероприятия по улучшению положения переселенцев как в пути, так и в местах расселения.

Ключевые слова: Сибирь, крестьянство, народническая историография, переселенческая политика, реформа.

E.M. Gostyusheva

Altai State University (Barnaul, Russia)

**THE POST-REFORM PEASANT RUSSIA:
NARODNIKS ABOUT THE RELOCATION
OF THE ALTAI MOUNTAIN DISTRICT**

The article discusses the populist historiography in the assessment of peasant migrations on the territory of the Altay region. Researchers studied popular specific defined range of issues: the welfare of immigrants, government help to immigrants, the importance of migrations for development of the region. Noting great economic and cultural importance of resettlements for the region, exiled populists offered concrete actions for improvement of the situation of pereslenets in way and in places of moving.

Key words: Siberia, peasantry, narodnichesky historiography, immigration policy.

Миграционные процессы на территории Алтайского горного округа являлись основным объектом исследования ссыльных народников и рассматривались ими сквозь призму переселенческого движения. Первым из исследователей народнического направления данной проблеме уделил внимание А.П. Шапов, который еще в 1860-е гг. отметил, что русская история «есть по преимуществу история областных масс народа, история постоянного территориального устройства, разнообразной этнографической ситуации» [12, с. 648]. В конце XIX в. данную проблему рассматривали П.А. Голубев, И.Е. Овсянкин, С.Л. Чудновский, С.П. Швецов, Н.М. Ядринцев и др. Народники отводили переселению большую роль в развитии потенциала региона. По их мнению, благодаря миграции населения на территорию округа, должен со временем проявиться прогресс в экономической, социальной, культурной и других сферах жизни всего региона.

Основная волна переселений шла из земледельческих губерний (Пермской, Воронежской, Тамбовской, Вятской, Курской) [10, с. 10; 14, с. 237]. Тогда как промышленно развитые губернии России давали самый низкий процент переселенцев. Районами преимущественного расселения на территории округа являлся Бийский, затем Барнаульский, Томский и Кузнецкий округа [10, с. 17]. При выборе места расселения, по мнению народников, крестьяне-переселенцы руководствовались следующими критериями: во-первых, качество почвы и характер местности; во-вторых, близость или отдаленность города; в-третьих, наличие земляков; в-четвертых, предпочтение в выборе новоселами старожильческих селений. Данный факт связывался исследователями-народниками со стремлением новоселов найти более или менее постоянную работу по найму у старожилов. Кроме того, крестьяне-переселенцы предпочитали подселаться к старым селениям из прагматических соображений. Ведь именно первопоселенцы занимали лучшие земли.

В рамках идеологической концепции исследователи уделяли внимание первоначальному уровню благосостояния вновь прибывших переселенцев, однозначно оценивали его как низкий. Основным источником финансирования переселенцев являлись продажа скота и домов, сдача в аренду или продажа земельных наделов на родине. Бедность многих крестьян-переселенцев приводила к тому, что они по пути в Сибирь испытывали нужду, голод и лишения: нередко переселенцам приходилось совершать весь путь пилигрима-первопроходца или часть его «христовым именем». По итогам своего исследования С.Л. Чудновский сделал вывод, что «из 215 семей, прибывших на новое место ни с чем, милостыней существует в пути – 65 семей, т.е. 29,9% исследуемых домохозяев» [10, с. 63]. Данные Н.М. Ядринцева, относящиеся к первому десятилетию после открытия территории Алтайского горного округа для переселения (1865–1875 гг.), показывают, что «около 25% не имеют положительно никаких ресурсов: рублище, которое прикрывает их наготу и не защищает их от прохлады даже летней ночи... босые ноги, прошение милостыни почти шепотом». Таким образом, по данным Н.М. Ядринцева, немногим меньше половины крестьян-переселенцев являлись на новые места проживания, имея ничтожные денежные накопления. Обычно многие новоселы начинали свою трудовую деятельность с батрачества. Для обзаведения самостоятельным хозяйством среднестатистической крестьянской семье необходимо было в среднем 5–7 лет. Тогда как предприимчивый новосел добивался сравнительно высокого уровня за 2–3 года.

Исследователи-народники критически оценивали состояние правительственной «помощи» переселенцу. Действовавшие на территории всей Сибири переселенческие конторы и комитеты, по мнению Н.М. Ядринцева, не более чем фикция из-за ограниченности материальных средств, выделяемых на их нужды, либо «спекуляция на переселенческой беде». Переселенческие конторы не только не оказывают должной

помощи переселенцам, но и, наоборот, относятся к ним враждебно и «чинят препятствия». С.Л. Чудновский привел ряд примеров, когда Томская казенная палата не причисляла долгое время даже тех переселенцев, которые получили и своевременно представили приемные и увольнительные приговоры [10, с. 125]. С.П. Швецов говорил о необходимости создания переселенческого комитета на Алтае (где концентрировалась основная масса вновь прибывших переселенцев). «В то время, – отмечает он, – как в Томске, в Тюмени организованы переселенческие комитеты, заботящиеся о доставлении переселенцам средств, устроены переселенческие станции, в алтайских городах мы встречаем безучастное отношение общества к переселенцам и их нуждам. Ни в Барнауле, ни в Бийске, через которые ежегодно проходят тысячи переселенцев, нет не только чего-нибудь похожего на переселенческий комитет или станцию. Но нет и простого сарая, где партия могла бы укрыться от дождя и непогоды» [5, с. 33]. В итоге почти все исследователи приходили к пессимистичным выводам при оценке государственного участия в регулировании переселенческого движения. Такая политика приводила к внутренней миграции на территории округа либо к обратным переселениям, либо провоцировала многообразные столкновения между различными группами населения, вызываемые тем же переселением, которое разлагает крестьянский мир на составные части [5, с. 246].

Для окончательного решения этого вопроса С.П. Швецов предлагал официальным переселенческим службам обратить внимание на степень осведомленности крестьян, собирающихся переселяться в Сибирь, о районах водворения. Исследователь считал, что необходимо распространять среди переселяющихся сведения об условиях, ожидающих их на новых местах, предварительно знакомить их с особенностями климата, почвы, приемов хозяйства и т.п.

«Сибирская газета» в 1886 г. сообщала, что количество двинувшихся в обратный

путь из волостей Бийского и Барнаульского округа составило 400 семей. Самой главной причиной обратных переселений, по мнению народников, являлось отсутствие поземельного обустройства на территориях, управляемых Кабинетом Е.И.В. Реформа на Алтае, по мнению народников, была реализована в той урезанной форме, какая предусматривалась бюрократами редакционной комиссии, готовившей проект отмены крепостного права. Характерно, что даже в 1890-х гг. на территории Алтайского горного округа не было приведено в известность количество удобной земли. Реформа 1861 г. определила размер выкупа – 6 руб. с каждой ревизской души. Поэтому каждая вновь прибывшая «ревизская душа» являлась «врагом» любого крестьянского общества (тем более, где количество удобной земли было ограниченное), так как оброк взыскивался не с общества, а с каждой ревизской души, хотя общий надел числился за обществом. Поэтому в 1900-е гг. переселенцы принимались и причислялись лишь «со своей землею», которую нарезало горное правление.

Таким образом, народники раскрывали главные недостатки организации процесса массового переселения: от выдачи проходных свидетельств до приписки новоселов к сельским старожильческим обществам. Отмечалось, что массовые переселения способствовали возникновению ситуации «фронтала» между старожилками и переселенцами. Пока маховик переселений только набирал обороты, старожилы были первоначально заинтересованы в причислении новоселов к своим сельским обществам, поскольку это создавало рынок дешевой рабочей силы. Однако постепенно, с позиций защиты патриархально-экстенсивных форм ведения хозяйства, они начинали относиться к переселенцам как иждивенцам и сами требовать от администрации округа их водворения на свободные земли. Факты насилия, особо отмечаемые народниками, были очевидным и распространенным явлением. Даже начальник Алтайского округа в середине 1890-х гг. констатировал, «что

крестьяне-старожилы Алтайского горного округа и должностные лица сельского общественного управления допускают по отношению к переселенцам всевозможные насилия и самоуправления: выселяют переселенцев из деревень, несмотря на то, что многие из них проживают с согласия общества по нескольку лет и у тех же общинников приобрели постройки; отбирают распаханную землю, за которую уплачиваются в пользу общества повинности, земледельческие орудия; разламывают постройки, печи и окна в домах; наконец, воспевают общественникам держать переселенцев на квартирах, вынуждая их с маленькими детьми и престарелыми большими жить под открытым небом, и т.д.» [2, л. 1].

Крестьянство Алтая, вне зависимости от социальной и этнической принадлежности, стремилось в ходе переселений и землеустроительных работ в конце XIX – начале XX в. получить или сохранить за собой как можно больше земли, возлагая при этом определенные, излишне оптимистические, надежды на правительственные мероприятия. Поэтому всякое сокращение собственных наделов воспринималось как вполне реальная угроза крестьянскому достатку и вызывало противодействие всего сельского мира вне зависимости от уровня его социальной дифференциации. «С точки зрения социальной психологии данное отношение, по оценке современных авторов, свидетельствовало о преобладании в менталитете крестьян и аборигенов патриархальной психологии и стремлении сохранить традиционные формы хозяйственной деятельности» [9, с. 8].

Миграционная политика на территорию округа имела огромное культурное и экономическое значение переселений для края. А оно, по мнению И.Е. Овсянкина, было огромным. Прежде всего, колонизация региона влияла на развитие кустарного и ремесленного производства. Причем некоторые из них лишь с появлением переселенцев собственно и возникали. Значительно увеличилось количество пахотных площадей. «В 1882 г. под пашню находи-

лось 677998 дес., – констатировал П.А. Голубев, – а через пять лет уже 813096 дес., или увеличение пашни составляет почти на 20%» [3, с. 53]. Значительный шаг вперед был сделан в использовании более усовершенствованной сельхозтехники. «Местная соха вытесняется российским плугом, веялки и сортировки..., – указывал И.Е. Овсянкин, – есть почти в каждой деревне» [6, с. 355]. С появлением переселенцев в Алтайском горном округе появились первые маслобойни. Происходит улучшение местных пород скота и завозятся новые. Улучшаются сорта семян и вводятся в культуру на Алтае новые сорта зерновых культур. Но прогресс, по мнению того же автора, состоял не в распространении новинок кустарной техники и земледелия, а в том, что переселение придало позитивный импульс к изменению самого характера и типа крестьянского хозяйства на Алтае. Переселенец же, прибывший из малоземельных губерний, «находил в любом углу Алтая настоящее Эльдorado и жадно набрасывался на необъятные пространства превосходной, не выдавшей плуга целины» [6, с. 356].

Современные исследователи утверждают, что стратегия переселенческой политики правительства в XIX в. трансформировалась от запретительной к поощрительной. Например, «легально переселяющая крестьянская семья имела право на получение льготных (беспроцентных) возвратных ссуд на переезд по железной дороге и водным транспортом в размере 50 руб. и хозяйственное устройство в течение трех лет со времени водворения на новом месте в размере 160 руб. Кроме того, им безвозмездно отпускался строевой лес с казенных дач. В местах вселения переселенцы на 5 лет освобождались от казенных платежей и земских денежных сборов, а в последующее пятилетие вносили их в полном размере. Количество бюджетных средств, выделяемых на ссуды, постоянно возрастало, достигнув в 1903 г. 12106 тыс. руб.» [9, с. 5, 11, 81–85; 4, с. 257 и др.]. Данная цифра не покажется огромной, если учесть,

что за 20 лет (1894–1914 гг.) в Западную Сибирь и Степной край переселилось 3 млн. чел. [1, с. 51]. Подобно другим исследователям-народникам, И.Е. Овсянкин возлагал надежды на правительство, предлагая создать для обустройства переселенцев на новых местах специальное государственное кредитное учреждение.

Основная цель народнической историографии – акцентирование внимания на неисчислимым бедствиях переселенцев-крестьян. Можно отметить некоторый эмоциональный крен в работах исследователей-народников, но материалы современных исследователей также доказывают факт государственного безучастия в первые переселенческие десятилетия (1870–1880-е гг.).

Например, созданный лишь в 1892 г. Комитет Сибирской железной дороги за годы своего существования оказал крупную государственную помощь переселенческому движению в размере 8467,1 тыс. руб., но кредиты не охватили территорию Алтайского горного округа. Затем в 1896 г. был издан закон, устанавливающий для переселенцев и ходяков льготный железнодорожный тариф, а самовольных переселенцев теперь было не нужно возвращать обратно с места прежней приписки. И лишь мощный импульс переселенческому движению в Сибирь придала столыпинская аграрная реформа и только тогда правительство развернуло крупномасштабную деятельность по регулированию проблем переселенцев [7, с. 76].

Библиографический список

1. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1.
2. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 889. Л. 1.
3. Голубев П.А. Земледелие // Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / под ред. П.А. Голубева. Томск, 1890.
4. История Алтая. Барнаул, 1995. Ч. 1.
5. Марусин С. (Швецов С.П.) Переселенческое дело на Алтае // Северный вестник. 1891. №7. С. 21–53.
6. Овсянкин И.Е. Колонизация и переселенческое дело // Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / под ред. П.А. Голубева. Томск, 1890.
7. Пронин В.И. Роль государства в развитии переселенческого движения крестьян в Сибирь в конце XIX – начале XX в. // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 2003.
8. Сибирская газета. 1886.
9. Сибирские переселения: документы и материалы. Новосибирск, 2003. Вып. 1.
10. Чудновский С.Л. Переселенческое дело на Алтае: статистико-экономический сборник. Иркутск, 1889.
11. Шиловский М.В. Система льгот для переселяющихся в Сибирь (конец XIX – начало XX в.). // Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 2003.
12. Щапов А.П. Великорусские области в Смутное время // Щапов А.П. Собр. соч. СПб., 1906. Т. 1.
13. Ядринцев Н.М. Десятилетие переселенческого дела // Вестник Европы. 1891. №8.
14. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. М., 1882.